

УДК 902.6+902.97:293

Кузина Н.В.

Между Западом и Востоком: Судьба России - от идей восточничества к «скифству» и евразийству

Аннотация. Один из центральных вопросов в русской философии, политической мысли и художественной литературе рубежа XIX — XX веков — вопрос о судьбе России, выборе ею исторического пути, о ее принадлежности к западной или восточной цивилизации и культуре. В предлагаемом тексте - кратком изложении преамбулы спецкурса, во-первых, дана с этой точки зрения характеристика государственной идеологии конца XIX — первой половины XX веков; описаны взгляды и история «скифов» и евразийцев, идеи которых существенным образом повлияли на русскую общественную мысль XX века.

Ключевые слова: восточничество, скифство, евразийство, Николай Михайлович Пржевальский, Петр Кузьмич Козлов, Владимир Сергеевич Соловьев, Разумник Васильевич Иванов-Разумник, Николай Сергеевич Трубецкой, Георгий Владимирович Вернадский, Петр Николаевич Савицкий.

Появление и развитие идей восточничества в русской государственной идеологии конца XIX — первой половины XX вв.

Во второй половине XIX века в русской государственной идеологии образовался сильный крен в сторону Востока, появилась ориентация на культуру Востока, идея о сближении с восточными странами в области политики. Появление подобных идей, определивших судьбу России на рубеже веков, стало продолжением и отголоском споров западников и славянофилов. Поворот к Востоку был подготовлен распространившимися идеями о надвигающемся кризисе западной цивилизации. Возможно также, что появление интереса к Востоку в политике связано с распространением в литературе конца XVIII — начала XIX веков образа Востока с положительной коннотацией.

Ф.Степун отмечает, что тенденция определения России не как Восточной Европы, а как Азии особенно распространилась в 80-е годы XIX века во Франции. Так, одним из идеологов, считавших, что русский народ и русская культура не являются европейскими, и что место России в Азии, стал Анри Мартэн (1810-1885). В книге «Россия и Европа» он доказывал, что русские вовсе не славяне, а туранцы, принадлежащие к тюрко-алтайскому племени, что они лишь внешне похожи на европейцев. Дальнейшее пребывание этих азиатов на территории Европы Мартэн считал опасным, а потому предлагал переместить их за Урал.

В государственной идеологии восточничества, как ее называли, принято выделять два направления, «два разных имперских подхода». Восточникам обоих типов были присущи славянофильские взгляды и сильные антизападные настроения. Первый подход предусматривал необходимость расширения владений России на «нецивилизованном» Востоке насильственным путем. Олицетворением первого подхода стала деятельность географа–«конкистадора» Н.М.Пржевальского. Восток и Азию он представлял как девственную землю, ждущую своего покорителя во славу России, предлагал повторить в Сибири и Китае «подвиги Кортеса». Странником сближения России с Востоком на почве культуры и религии был князь Э.Э.Ухтомский.

Философы, ученые, политические деятели второй половины XIX в. переосмысливают факт влияния татаро-монгольского ига на Россию. Об этом пишет, например, Н.Данилевский. В работах Д.И.Менделеева есть фрагмент, где утверждается, что «историческая роль России состоит в примирении интересов двух великих континентов». Представитель российского мусульманства И.Гаспринский называл Россию правопреемницей татаро-монгольской империи.

Многие черты идеологии предреволюционной эпохи, как это не парадоксально, были сохранены и в идеологии большевиков. Как отмечает Д.Схиммельпэннинк, восточничество начала века существенным образом повлияло на послереволюционную идеологию России: «Восточничество как система идей не пережило русско-японской войны. Однако общее воздействие его, думается, еще долго сказывалось и после 1917 года. Новый режим стал прививать своему народу новыми словами, но старую мысль о единстве его интересов с интересами народов Азии в общей борьбе с «гнилым» буржуазным Западом. Миру отводилась роль по-прежнему ждать «света с Востока». Исследователи, например Н.Г.Федоровский, выделяют два этапа в отношении большевиков к Западу и Востоку: «революционно-западнический» (1917 — конец 30-х гг.), когда «под флагом интернационализма велась ожесточенная борьба со всем, в чем можно было заподозрить тяготение к историческим традициям», национальной самобытности, Россия была ориентирована на европейскую революционность, и «революционно-великодержавный» (оформился с началом войны, особенно отчетливо — ко второй половине 40-х гг.), когда «место советского государства и общества в мире выражалось в формуле: СССР — авангард прогрессивного человечества, продолжатель всего лучшего, что создано мировой культурой, оплот революционных сил в борьбе против разлагающегося империалистического Запада». Идеи о возрождении Азии присутствуют во многих работах и выступлениях большевистских лидеров.

После окончания второй мировой войны советское правительство проявляет необыкновенный интерес к наследию Н.М. Пржевальского и его сподвижников. Так, например, в 1947-1949 гг. по указу Совнаркома СССР переиздаются многотомные собрания сочинений Н.М.Пржевальского, его ученика и последователя П. К. Козлова [1, 2, 3, 4]. В идеологически обусловленной предисловии к одному из томов подчеркивается популярность трудов Пржевальского и Козлова «среди широких кругов населения».

Как русская интеллигенция, традиционно ориентированная на западноевропейскую культуру, в конце XIX — начале XX века, особенно после начала первой мировой войны, пережила разочарование в оценке Европы, так и в советской России после начала второй мировой войны — войны с Германией, традиционно понимавшейся носителями восточнических идей как наиболее яркий образец западной, европейской страны, — произошел подобный поворот. Как в начале века под влиянием этого разочарования усилилась вера в то, что Россия — более не европейская, а азиатская страна, так и в послевоенные сороковые и пятидесятые годы государственная политика Советского Союза была ориентирована на контакт и наибольшее сближение с восточными странами. Одна из главных идей внутренней политики России в это время также связана с Востоком — это освоение Сибири.

Идеи В.С.Соловьева, повлиявшие на осмысление в русской литературе связей России с Западом и Востоком.

Особое влияние на формирование в литературе и философии рубежа веков представления о положении России относительно Запада и Востока оказали идеи В.Соловьева. Как считал Соловьев, спор между Европой и Азией начался очень давно, одно из первых свидетельств этого спора он видел в мифах троянского цикла, в похищении Елены из европейского Лакедемона азиатцем, троянским царевичем Парисом.

Необходимо, как считал Соловьев, объединить лучшее, что есть на Западе и Востоке. Так, в работе «Кризис западной философии» говорится о необходимости соединения «логического совершенства западной формы» с «полнотой содержания духовных созерцаний Востока».

Соловьев мечтал о восстановлении единства христианства, об объединении восточного православия и западного католицизма. Россия должна была сыграть в этом процессе главную роль как страна, которой присущи восточные черты в государственном устройстве (он называл Россию страной восточного деспотизма) и которая одновременно является носителем идей всечеловеческой любви. Если Россия будет агрессивной, военизированной, то ее ждет гибель; если она будет страной, объединившей Запад и Восток, то с ее будущим связываются мессианские идеи. Локус Востока наделен для Соловьева сакральной ролью, не только в связи с природной символикой (восход солнца) и символикой Православия. Образ мистического «света с востока», наследие имперских традиций (отголоски концепции «Третьего Рима») и пророчество о мессианском будущем Руси соединены в философском стихотворении о выборе государственной

идеологии Россией – о выборе пути военной Империи или державы Духа («Ex oriente lux» (Свет с востока), 1890):

«С Востока свет, с Востока силы!»

И, к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.

Но не напрасно Прометея
Небесный дар Элладе дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждан.

И кто ж до Инда и до Ганга
Стезю славную прошел?
То македонская фаланга,
То Рима доблестный орел.

И силой разума и права -
Всечеловеческих начал -
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал.

Чего ж еще недоставало?
Зачем весь мир опять в крови?
Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви.

И слово вещее — не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.

И, разливаясь широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил.

О Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята,
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

Вражда западного и восточного начал в быту и политике в России ведет к кризису. Как считал Соловьев, Россия и весь западный мир постоянно испытывают угрозу со стороны Востока. Эта угроза – со стороны восточных племен - божественное возмездие за отступление от истины, за поругание веры:

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины божией полно.

Когда в растленной Византии
Остыл божественный алтарь
И отреклись от Мессии
Иерей и князь, народ и царь, -

Тогда он поднял от Востока
Народ безвестный и чужой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И все твердят льстецы России:
Ты — третий Рим, ты — третий Рим.

Пусть так! Орудий божьей кары
Запас еще не истощен,
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племен.

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча, неисчислимы,
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! Забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен

И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смириться в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.»

(1894)

Нашествие Востока, по В.Соловьеву, уже началось. Первым его вполне реальным признаком является изменение климата, выветривание почв, нашествие песков. Об этом Соловьев говорит, например, в своей работе «Враг с Востока». Затем восточные черты начинают проявляться в культуре, и в конце концов весь западный мир будет захвачен восточными племенами. Так, в «Краткой повести об антихристе», включенной Соловьевым в диалог «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», говорится о том, что антихрист под видом Мессии появится именно после неизбежного завоевания мира монголами.

Восточная опасность оказывается воплощенной у Соловьева в виде мистического Дракона, с которым должен вступить в борьбу спаситель мира, некий герой. У Соловьева этот герой — прежде всего Зигфрид, персонаж оперной тетралогии Р.Вагнера «Кольцо нибелунгов» (например, в стихотворении «Дракон: Зигфриду», 1900), у последователей В.Соловьева, русских символистов, таким героем становится Георгий Победоносец.

Однако только с помощью героизма, военной силы противостать врагу невозможно. О другом решении спора В.С. Соловьев пишет в работе «Великий спор и христианская политика». Поможет преодолеть врага только объединение в божественной любви.

Из истории идеологии скифства

Скифами в начале века называли себя члены группы русской творческой интеллигенции, предложившей особое решение вопроса о положении России относительно Запада и Востока и отстаивавшей идею о необходимости для России революционного пути развития. Вместе с тем скифы были противниками марксизма, оппонентами большевиков. Многие идеи скифов находили воплощение у писателей и поэтов, не связанных с этой группой. Скифские идеи позволяют понять мироощущение существенного слоя русской интеллигенции в один из самых трагических периодов русской истории.

Еще в начале XIX века интерес к естественному человеку, родившийся у сентименталистов и романтиков, послужил причиной появления в художественных произведениях образа скифа. Появление этого образа стало следствием потребности в иной, не испорченной буржуазной цивилизации силе, противопоставленной изнеженному и порочному европейцу. С истории скифов начал «Историю государства Российского» Н.М. Карамзин. Скифы представлялись носителями

свойств, прямо противоположных свойствам европейского человека. Само имя «скиф» подчеркивало не европейскую сущность своего носителя.

В философских спорах о судьбе России, продолжавшихся в XIX веке, наметился дальнейший отход от европоцентризма. Огромный интерес к скифам возник в результате раскопок И.Е. Забелина на территории российской империи в конце XIX в. и последовавшим развитием гипотез о скифских корнях России. В конце XIX — начале XX вв. выходила многочисленная научная литература, связанная со скифской темой.

На возникновение скифства существенное влияние оказали идеи некоторых западных и российских философов и историков. Прежде всего — идеи о скорой гибели западной цивилизации, развитые затем О. Шпенглером; идеи Ницше о кризисе, неудаче христианства; идеи В. Соловьева о «желтой опасности», грядущем панмонголизме.

Скифство не выросло в сколько-нибудь последовательную и ясную теорию. Скифские идеи существовали чаще всего в художественной форме. Историософия скифства была ближе всего поколению символистов.

Можно выделить в истории скифства четыре периода:

- 1) Конец XIX века — девяностые годы XX века. Преодоление «скифства».
- 2) 1912 — 1914 (до начала первой мировой войны). Зарождение идеологии.
- 3) 1914 — 1918. Расцвет идеологии «скифства».
- 4) 1918 — середина двадцатых годов. Эпоха разочарований.

Первый этап существования скифства. В конце XIX — начале XX века скифы становятся повторяющимся образом в русской литературе, особенно поэзии, причем представление о скифах как варварах, агрессивных и диких племенах 7-3 в. до н.э. совмещалось с представлением об особой скифской культуре, о скифском государстве. Скифы для поэтов представляли варварство, дионисийство, свободу от норм и законов и становились одновременно противовесом идущей к закату западной цивилизации. Внеисторизм, мифическое скифское время противопоставлялось европейской истории с ее эсхатологией. Скифы наделялись особой культурой, культурой синтеза. Можно сказать, что скиф в поэтической традиции начала XX века имеет мало общего с реальным историческим скифом. Образ скифа и скифской культуры дается в неоромантическом ключе.

Например, для Вячеслава Иванова скиф — носитель истинной свободы духа, красоты, дионисического начала, пляска скифа — революция, Россия — Снежная Скифия. Французская революция обозначается им как:

Те дни, когда плясал в Париже Скиф
И прорицал, мятежным Ваххом болен,
Что нет межей, что хаос прав и волен.

Неоднократно в литературе этого поколения возникает тема мести скифов, кочевников, как носителей стихийного начала, современному рациональному миру (В.Иванов «Кочевники красоты», «Прозрачность. Вторая книга лирики», Е.Кузмина-Караваева, книга стихотворений «Скифские черепки»). Наименование скиф превращается в синоним варвара вообще.

Второй этап существования скифства. Далее идеология скифства складывалась и затем получила наибольшее развитие в среде, близкой эсерам (затем — левым эсерам). Однако сами «скифы» неоднократно подчеркивали свою внепартийность. Главным носителем этих идей стал литературный критик Разумник Васильевич Иванов-Разумник (1878-1946). Иванов-Разумник известен в первую очередь как один из первых комментаторов А.Блока, автор первых книг об А.Блоке, А.Белом, В.Маяковском, исследователь творчества В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Л.Н.Толстого, автор многотомного труда по истории русской литературы «История русской общественной мысли». В разные годы появлялись статьи о Л.Шестове, В.Розанове, Л.Андрееве, Ф.Сологубе, Д.Мережковском, А.Ремизове, М.Пришвине, Б. Зайцеве, акмеизме, символизме, обзоры литературных новинок за год и др. Он готовил и издавал воспоминания Н.Панаева, Н.И.Греча, сочинения М.Е.Салтыкова-Щедрина, А.Григорьева.

Иванов-Разумник считал, что идеи скифства могут прийти к общественности только через искусство, поэтому особое значение придавал сотрудничеству с творческой интеллигенцией. Особое влияние оказал он на А.Блока, на крестьянских поэтов. В скифскую группу входили также А.Белый, С.Есенин, А.Ремизов, М.Пришвин, Н.Клюев, П.Орешин, К.Петров-Водкин, В.Мейерхольд и др. Можно сказать, что в той или иной мере влияние идеологии скифства испытала в этот период вся русская творческая интеллигенция. Нужно сказать, что в оценке творчества современников Иванов-Разумник бывал порой слишком тенденциозен: одобрял тех, кто был близок ему по идеям (например, Блок, Пришвин, Ремизов), осуждал тех, кто был движим иными идеями (например, Ахматова, Мережковский).

В годы возникновения идеологии скифства Иванов-Разумник уже был известен как автор нескольких томов сочинений. Он начал печататься с середины 900-х годов. Его статьи появлялись в «Русском богатстве», «Критическом обозрении», «Русских ведомостях», выходили отдельными изданиями. Позднее он объединил свои статьи, вышедшие в периодических изданиях, в два тома, которым дал название: «Заветное. Статьи о культурной традиции. Черная Россия. Статьи 1912-1913 гг. Вечные пути. Статьи 1913-1914 гг.», «Скифское. Статьи о духовном максимализме. Иго войны. Статьи 1914-1917 гг. Две России. Статьи 1917-1918 гг.», выделив тем самым два центральных периода существования идеологии скифства: 1912-1914 годы, 1914-1918 годы.

Этот период связан также с журналом «Заветы», издававшимся в 1912-1914гг. Ивановым-Разумником в компании с А.И. Иванчиным-Писаревым, С.Мстиславским, С.П.Постниковым, В.М.Черновым и др. Сам Иванов-Разумник из номера в номер вел раздел «Литература и общественность», где часто давал обзоры литературы, вышедшей за год, или останавливался на произведениях того или иного автора, печатался и в других разделах журнала.

Идеология скифства в это время только складывается. Осознаваться как обозначение целого идеологического направления слово «скиф» стало после того, как Иванов-Разумник начал подписывать свои статьи в «Заветах» псевдонимом «Скиф». Впервые этот псевдоним появился на страницах сентябрьского, шестого, выпуска журнала за 1912 год. Так была подписана статья «Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)», в которой автор высказал несколько основных положений складывающейся идеологии.

Идентификация со скифом была позаимствована Ивановым-Разумником у Герцена, которого в книге о нем Иванов-Разумник так и называл «скиф сороковых годов». У Герцена в «Былом и думах» есть такая фраза: «Я, как настоящий скиф, с радостью вижу, как разваливается старый мир, и думаю, что наше призвание — возвещать ему его близкую кончину».

Третий период существования идеологии. 1914-1918 гг. После закрытия журнала «Заветы» Иванов-Разумник почти сразу же приступает к подготовке ежегодника, литературного альманаха «Скифы». Начинается третий период развития идеологии скифства. По независящим от авторов причинам издание альманаха откладывается. В конце концов, в 1917-1918 гг. выходит два выпуска: первый, посвященный войне, и второй, посвященный революции. В альманахах печатались поэтические тексты и проза авторов, близких по идеям Иванову-Разумнику, а также политические статьи, архивные материалы. Был собран третий том, но так и не появился в печати. Одновременно «Скифы» сотрудничали в левозсеровском «Нашем пути» и газете «Знамя труда».

Четвертый этап. Интеллигенция, хотя бы отчасти разделявшая идеи скифства, после октябрьской революции осталась в России, все еще веря в ее будущее. Многих из этих людей ждала трагическая судьба. Е.Г.Лундберг, один из друзей Иванова-Разумника и сотрудников «Знамени труда», организует за границей, в Берлине, издательство «Скифы», просуществовавшее до середины двадцатых годов. Там издаются и переиздаются работы писателей и поэтов, близких скифам. В России, потерпев неудачу с альманахом, скифы образуют Вольфилу (Вольную философскую ассоциацию).

Весь ход октябрьской революции (а особый трагизм заключается в том, что часть эсеров — левые эсеры — поддержали ее) был признан катастрофической ошибкой. К середине двадцатых годов история идеологии скифства, как и существование эсеровских партий, прекращается, наступает эпоха разочарований. Там, где мерещился новый путь, оказался тупик. Разгром эсеров большевиками, осознание скифами того факта, что отчасти и их призывы виноваты в катастрофе, — вот финал этой трагедии.

В своих воспоминаниях Е.Г.Лундберг с потрясающей пронзительностью описывает то время. В дневниках за 1918 год он помещает такую запись: «Тихая долгая боль о том, как холод и голод разрушают писателей. Не всех жалко. Петербуржцы — Иванов-Разумник, Блок, Эрберг — на особом положении. Они сами выбрали свой путь, им гореть и сгореть». А О. Мандельштам, на протяжении всей своей юности испытывавший влияние эсеровских идей, в стихотворении

«Кассандре» говорит, сравнивая революцию со «скифским праздником» и показывая трагическую роль скифов и их трагическую вину перед Россией и мировой культурой:

И в декабре семнадцатого года
Все потеряли мы, любя:
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...

Некоторые идеи Р.В.Иванова-Разумника, объясняющие концепцию скифства

Иванов-Разумник, кроме литературной критики занимавшийся и философией истории, предлагает свое решение вопроса о смысле исторического процесса. Он отвергает любые теории прогресса. Именно на основе этих теории, как он показывает, возникли и христианские идеи построения Царства Божия на земле, и идеи марксистов. Оправданием истории не может стать ни Бог, ни грядущее счастье человечества. Одинаково отвергаемым теориям позитивного и мистического прогресса автор противопоставляет теорию имманентного субъективизма. Его родоначальником в России Иванов-Разумник считает Герцена.

Цель жизни, как он считает, — не в будущем, а в настоящем, и ничто в этом случае не может помешать осуществлению ее цели. Объективных целей не существует. Высшая цель субъективна — это полнота жизни каждого индивида; высшая цель — наиболее полно прожить каждый момент жизни, и этот момент одновременно оказывается связанным с прошлым и предопределяющим будущее. Имманентный субъективизм избавляет человека от пессимизма.

Второй чертой концепции Иванова-Разумника является провозглашаемая социальность. Прогресс все же существует, но под прогрессом автор понимает «постепенный (и бесконечный) рост индивидуальности в широту и глубину». Чувство социальности — неотъемлемое человеческое чувство. Иногда «это чувство может ограничиться сознанием человека своей связи с некоторой общественной ячейкой (семьей, родом, группой, классом). Но оно способно расшириться до предела чувства единства с космосом». Это чувство соединяет личности в общей борьбе за субъективные идеалы во имя полноты бытия.

Иванов-Разумник выделяет две безусловные и равные ценности — человеческая личность и общественное благо. Общечеловеческим идеалом, как он считает, должно стать духовное и социальное освобождение человека.

Скиф оказывается у него образным обозначением личности, живущей полной жизнью. Скиф «бесчинно проливает вино жизни». Скифство поясняется как катастрофичность, революционность, синтез, многосторонность, универсальность. Никогда Иванов-Разумник не называет россиян славянами, для него они — скифы, а их черты: порывистость, максимализм и одновременно «лень». Медлительность, варварское в душе русского человека Иванов-Разумник

проявлением силы, чистоты, полноты бытия. Скиф — внеисторичен, но некоторым соответствием ему в социальном плане является, согласно концепции Иванова-Разумника, крестьянин. Противопоставлен скифу мещанин, «смакующий вино жизни по каплям». Мещанину свойственны узость, односторонность, догматизм. Мещанин — практический человек, посредственность; в социальном плане — обычный средний обыватель или купец, хотя Иванов-Разумник много раз подчеркивает, что понятие мещанства для него шире понятия буржуазии и имеет иной смысл. Таким образом, метафорические понятия учения приобретают этический и оценочный смысл.

Одним из важных вопросов для скифов является в силу исторических реалий начала XX века вопрос о войне. Сотрясающие мир войны — это войны купцов, «кровавые и фантастические колониальные романы». Обычному человеку чаще всего нет дела до свободы или несвободы своего государства. Не «государственная свобода» должна быть целью, а свобода народная. К ней ведут не войны с соседом, а внутренние изменения в стране. Например, Иванов-Разумник так относится к участию России в Первой мировой войне: не нужно было вмешиваться в конфликт Австрии и Сербии; сербскому народу, а не государству, под властью Австрии жилось бы не хуже, чем в «Великосербской Империи», за которую «в войне этих годов разгромлен, уничтожен, вырезан сербский народ». Первую мировую войну скифы считали ошибкой, вмешательством не в свое дело, призывали к внутренней революции. Однако затем, когда эта революция произошла, считали нужным продолжать войну, видя в ней воплощение все той же борьбы скифа с мещанином.

Другим важным вопросом становится выяснение взаимоотношения России с Европой и Азией. Скифам близка идея Соловьева о панмонголизме, мистическом азиатском драконе, готовящемся поглотить Европу и Россию. Последней из купеческих войн, как считал Иванов-Разумник, если мир не остановится, будет предсказанная Соловьевым война купца европейского с купцом азиатским. Победит последний.

Предотвратить эту войну можно, преодолев купеческий национализм в трех его проявлениях:

- этическом — идея реванша, сливающаяся с идеей справедливости, свойственная либералам;
- философском — мессианизм, свойственный в России славянофилам;
- социальном — оправдание войн с социальной точки зрения, свойственное социалистам.

Купеческому «национализму» должен быть противопоставлен подлинный патриотизм («истинный», по Иванову-Разумнику). Сила патриотизма — «быт, язык, культура народная», искусство, «сила благая, пока не делается она тараном против другой соседней силы». Следование национальным идеалам в этом смысле в конечном счете приводит к интернационализму и миру.

Вся человеческая история превращается в «смертельную борьбу», борьбу мещанина в разных масках — в маске «прогресса», в маске «социализма», в маске «христианства» — с революционной сущностью», скифом. Как считал Иванов-Разумник, дракон, о котором писал

Соловьев, — внутри каждой страны. И задача скифа — победить в каждой стране мещанина, купца, промежуточного человека. В начале XX века, как считал Иванов-Разумник, мир стал свидетелем борьбы скифской России с Европой, миром мещан. И в самой России тоже идет борьба скифа и мещанина. Именно в России решается судьба всего мира. Одним из любимых символов скифов, символом этой борьбы стал Георгий Победоносец. В первом выпуске «Скифов» неоднократно воспроизведена специально созданная для этого издания марка К.Петрова-Водкина со следующим изображением: в ромбе показан обнаженный человек со щитом и копьем, направленным на извивающегося внизу дракона; над головой человека расположен круг солнца с расходящимися лучами, образующими подобие нимба; справа, на море, виднеется парусник. Особым образом трактовали скифы традиционный символ Петровской России — Медный Всадник. Петр для них представлял ущербное европейское начало, конь — стихийное, скифское, змея соответствовала мистическому дракону Соловьева.

Для Иванова-Разумника было характерно особое решение вопроса об интеллигенции и народе. Подобное разделение, как он считал, не имеет смысла. Интеллигенция — этическое понятие. Интеллигенция защищает общечеловеческие, народные идеалы освобождения человеческой личности. Трагедия русской интеллигенции в том, что крестьянин считает интеллигента за барина.

Интеллигенция и народ для Иванова-Разумника связаны с образами эллинов и скифов. Характерная черта «мятущихся духовных скифов» — порыв, «вечная революционность», «неудовлетворенность и непримиренность», «бесчинство», «безумство», но это «святое безумие». Только в скифе, как писал Иванов-Разумник, живет «правда Красоты (искусства), Справедливости (политики), Истины (религии)». Характерная черта «духовного эллина», интеллигента, — «стройная гармония и духовная примиренность», «умеренность», «тихое, умеренное приятие жизни, тихое, размеренное житейское горение».

Можно сказать, что скиф в идеологии Иванова-Разумника является символом докультурной, синкретичной эпохи, эллин — символом эпохи высшего развития культуры, гармоничной культуры, а мещанин — символом последней стадии развития локальной культуры — стадии цивилизации, несущей гибель культуре.

Во втором выпуске «Скифов», посвященном революции, Иванов-Разумник пишет о необходимости установления союза эллина и скифа в борьбе против мещанина, узости, догмы, односторонности.

К. Петров-Водкин, готовивший иллюстрации для альманаха «Скифы», изобразил этот союз так: семигранник разбит на две части; на округлом земном шаре, протянув друг другу руки, застыли в один из моментов необыкновенной пляски два обнаженных человека; один, светлый, более похож на античную статую, помещен на Западе, другой, черный, похожий на inferнальное существо, — на Востоке; над ними раскинулся небесный свод, в западной части которого царит ночь, в восточной восходит солнце.

Примером и идеалом синтеза скифского и эллинского в прошлом являлось для Иванова-Разумника жизнь и творчество А.С.Пушкин.

Противопоставление культуры и цивилизации имеет в концепции Иванова-Разумника центральное значение. В первой подчеркивается ее дикий темп, за которым не может поспеть человек. Она ограничивает полноту жизни. Странами, которые являются символами цивилизации, для Иванова-Разумника становятся Германия, Англия, США. Им противостоит русская «черепашья культура» и культура античная. Как считает Иванов-Разумник, в истории любой страны культура с течением времени неизбежно гибнет под гнетом цивилизации. Так уже произошло в античную эпоху, это же происходит с современными западными странами, опасность гибели культуры нависла и над Россией. Скифы считали, что можно остановить этот процесс, вернувшись к первоначальному, докультурной стадии, вернее, стадии «синкретичной культуры», стадии доцивилизации. Они пытались найти выход из сложившегося кризиса в возвращении в до-историю. Скифское, варварское, стихийное, внеисторическое, стоящее вне цивилизации только и способно противостоять мещанскому миру, Западу, переживающему упадок. Единственный путь такого возвращения, единственный путь спасти мир от катастрофы — революция, разрушающая привычный уклад, цивилизацию и возвращающая к первобытной «полноте бытия». Революция, по мнению скифов, способна разрушить историческое время, мир мещанина, бытовой, материальной цивилизации и создать новое мифическое время первотворения, новую культуру, новую эстетику. В Европе первая величайшая в мире «скифская» революция — христианство — две тысячи лет назад не удалась из-за того, что на Западе скифа победил мещанин. Духовная революция, которая должна была перерасти в революцию социальную, полное освобождение человеческой личности, была остановлена мещанином на полпути.

Ожидавшаяся интеллигенцией начала века революция в России должна была стать продолжением той первой, неудавшейся. Христианство было попыткой вначале духовного, затем социального освобождения человеческой личности, революция в России, как считал Иванов-Разумник, должна идти по иному пути — дать сначала социальную свободу, а затем духовно развить свободного человека.

Так они восприняли февральскую революцию, «освободившую» скифов: «На наших глазах порывом вольным, чудесным в своей простоте порывом, встала, от края до края, молчаливая, гнилым туманом застланная Земля». Отсюда призывы не сотрудничать с Временным правительством, желание его свержения. Так они поначалу восприняли и революцию октябрьскую. Еще в феврале 1917 года скифы предсказали вторую революцию, которая должна помочь воплотить их идеи. Россия должна была вступить в новое, сакральное время. Однако произошедшее в октябре сначала поколебало, а потом окончательно разрушило этот новый мир. Вместо желанного освобождения Октябрь принес «диктатуру пролетариата». «Всесветский мещанин», на этот раз в одежде марксистов, и здесь победил. Еще летом 1917 года Иванов-Разумник говорил о сползании страны в болото мещанства, односторонности, догматизма, под маской большевиков в это время замечал все того же всесветского мещанина, защищающего

свои ограниченные интересы. Поняв ошибочность ставки на большевиков, Иванов-Разумник не отказался от своих идей, продолжал переиздавать книги, статьи, написанные в дооктябрьский период, но идеология уже утратила свое влияние. Скифы более всего в этой ситуации старались сохранить «свое лицо» (такое название получила одна из статей Иванова-Разумника), отмежевываясь и от большевиков, и от эсеров, и продолжить борьбу против мещанина.

В двадцатые годы, когда надежды на революцию не оправдались, Иванов-Разумник (например, в статье о романе А. Белого «Петербург») высказывает идеи о том, что «мировое воскресение — в синтезе западного и восточного элементов», западной науки и восточного быта народа.

Нужно помнить, что взгляды скифов и самого Р.В. Иванова-Разумника не являются сколько-нибудь научными, скорее их можно назвать поэтическими. Претворение его идей в жизнь, как и претворение в жизнь любой утопической идеи, конечно, совершенно невозможно. Близкий друг Иванова-Разумника в тридцатые — сороковые годы М.М. Пришвин, мрачно шутя, отзывался о возможных последствиях воплощения этих идей так: «Если спросят: кого я желаю — Сталина или моего друга Разумника Васильевича, — скажу, конечно, — Сталина — и не дай бог Разумника Васильевича. И если к этому еще: «Почему же не Разумника Васильевича?», — скажу: Р.В. завернет еще круче, и людей еще больше погибнет».

Остается добавить несколько слов о дальнейшей судьбе Иванова-Разумника. Его имя было внесено в черный список, он арестовывался. Однако в годы репрессий совершенно случайно Иванову-Разумнику удалось остаться в живых. После освобождения в августе 1941 года он поселился в Пушкине, куда через несколько месяцев пришли фашисты. В одной из статей начала века именно Германию он называл оплотом всесветского мещанства. Но летом 1943 года вместе с женой перешел на сторону Германии и уехал в Литву. Там же были закончены его книги, дискредитирующие социалистический строй в России. Зимой 1944 года начались его скитания по Германии. Большая часть рукописей во время этих скитаний была потеряна. Незадолго до смерти, больного, одинокого, его приютили в Мюнхене друзья, у которых он и умер от паралича 9 июня 1946 года.

После смерти Иванов-Разумник не упоминался в советских изданиях. Исключением является коротенькая статья в КЛЭ, где, впрочем, подчеркивается антинаучный характер его работ и ошибочность взглядов. В ЛЭС взгляды скифов определены как «анархомарксистская мелкобуржуазная утопия».

Идеи скифов были подхвачены русской эмиграцией, трансформировались в близкое скифству идеологическое течение евразийства.

Из истории идеологии евразийства

Ф.Степун назвал евразийцев «славянофилами эпохи футуризма». Однако сами евразийцы полагали, что их идеи не совмещаются ни с одной из ранее существовавших концепций истории

России. Название течения образовалось от слова Евразия. Этот термин был позаимствован у А.Гумбольдта, который называл так всю территорию Старого Света (и Европу, и Азию вместе), противопоставляя его Новому. Евразийцы же называли Евразией Россию, которая, по их мнению, сочетает в себе черты Европы и Азии и является своеобразным «срединным континентом».

Многие идеи они заимствовали у ранних славянофилов — А.С. Хомякова, И.В.Киреевского, И.С.Аксакова, во многом шли за Гоголем и Достоевским. Однако существуют веские аргументы, не позволяющие считать евразийство просто модификацией славянофильства. От славянофилов их отличало, например, неприятие идеи славянского братства, панславизма: они считали, что каждый из славянских народов должен развиваться по своему пути.

Евразийство родилось в эмиграции. Оно объединило талантливейших представителей русской науки и культуры, оказавшихся, начиная с 1917-1918 гг., за границей. Сила евразийства состояла в том, что возникло это течение из людей самостоятельно, каждый своим путем, интуитивно, в разных отраслях науки пришедших к таким убеждениям. Одна из характерных черт евразийства поэтому состоит в том, что оно совмещает в себе достижения самых разных наук: евразийцы вели исследования русского языка и литературы, фольклора, ими была составлена карта Евразии, написана «История Евразии», высказывались концепции политического устройства России-Евразии, велись дебаты об особенностях религиозных воззрений русских, о национальном характере, роли личности в истории.

Наиболее деятельными организаторами евразийства стали П.Н. Савицкий и П.П.Сувчинский. Ядро евразийства также составили: лингвист Н.С.Трубецкой (1890-1938), богослов Г.В.Флоровский (1893-1979), философ Л.П.Карсавин (1882-1952). В число евразийцев входили также один из основоположников структурной лингвистики Р.О.Якобсон, П.Бицилли, Г.Вернадский, С. Эфрон и др.

На возникновение евразийства оказали влияние идеи, начавшие разрабатываться в западной историографии Дж. Вико и И.Гердером и нашедшие наибольшее развитие в России у Н. Данилевского и К.Леонтьева в учении об автономных культурах. Как отмечает В.М.Хачатурян, евразийство вошло «в одно из ведущих направлений в историографии XX века, которое основной единицей исторического процесса считало «локальную цивилизацию»».

Евразийцы считали особенно созвучными себе идеи циклизма, особой исторической миссии России как связующего звена между Европой и Азией, идеи о позитивном влиянии туранской примеси на русский характер, высказанные К.Н.Леонтьевым. Первые работы будущих евразийцев появились почти одновременно с «Закатом Европы» О.Шпенглера.

Евразийцы опирались во многом и на учения русских историков С.М.Соловьева, В.О.Ключевского. Именно в их замечаниях относительно особенностей исторического пути России представители нового течения видели истоки своего учения. Характерный тому пример — замечание

Ключевского о двойственном характере России — «посредницы между двумя мирами»: культура связывает ее с Европой, в отношении природы более близкой является Азия.

Одной из общих для евразийцев идей стала следующая: европейская культура не есть культура мировая, культура каждой страны уникальна. Уникальной является и культура России. Эти идеи нашли обоснование в работе Н.С.Трубецкого «Европа и человечество». Трубецкой выдвигает тезис о «качественной несоизмеримости» культур. Все культуры, включая европейскую, со всеми ее достижениями в области искусства, науки, технического прогресса, и так называемые примитивные культуры, полностью равноценны. О возрасте культур можно говорить только метафорически. Влияние, насильственное насаждение «чужой» культуры несет зло. И не только в том случае, если это культура далекая по основам, но даже если она в чем-то близка, как например близки друг другу культуры славянские. Таким образом, евразийцы поддерживают традиционную для русской историографии XIX века идею о пагубности усвоения «чужих» духовных ценностей и социально-политических учений и теорию об «органическом», спонтанном развитии культуры, согласно которой «национальная культура должна развиваться, исходя из собственных начал, не допуская насильного влияния со стороны другой цивилизации или, по крайней мере, творчески перерабатывая достижения чужой культуры». Развитие культуры происходит непрерывно в направлении «цветущей сложности». К гибели ведет культуру именно иноземное влияние, убивающее национальные корни и «усредняющее» культуру. Это влияние, по Трубецкому, нарушает преемственность, традицию и вызывает в обществе раскол, конфликт отцов и детей, увеличивается пропасть, разделяющая интеллектуальную элиту, как правило, легко воспринимающую иноземные идеи (для России прежде всего западные), и народ, который тяготеет к традиционной культуре. Каждый рывок за Западной Европой в истории России давал «длительный регресс», так как можно усвоить чужую культуру только в статике, но не в динамике. Трубецкой считает европейский мир враждебным по отношению к России, отчасти и потому, что, по его мнению, российская культура возникла не на европейской почве. С другой стороны, евразийцы считали неверным выведение самобытности России из исключительно славянской основы. Они, в том числе и Трубецкой, подчеркивали значимость в русской культуре восточного, туранского элемента. Культура России и русский национальный характер, как они считали, сформировался после татаро-монгольского нашествия и во многом благодаря ему. Их объединяла вера в исключительную историческую миссию России. Повторяя идеи конца XIX века, они говорили о преемственности Московской Руси с империей Чингисхана, считали, что для России, возможно, более важный шаг — не налаживание контактов с Европой, а то, что русские «прорубили окно» в Азию. Евразийцы подчеркивали симфонический, синтетический характер русской культуры, ее соборность, сочетание в ней разнородных, иногда в чем-то противостоящих друг другу элементов. По их мысли, русские — не европейцы, но и не азиаты, хотя многим связаны с Азией. Русские — евразийцы, нация, совместившая в себе черты Запада и Востока. Евразийцы, таким образом, довели до высшей точки идею синтеза, только появляющуюся в скифстве. Россия, согласно учению евразийцев, представляет собой пример гармоничного синтеза европейского и азиатского начал.

Основное внимание евразийцы сосредотачивали на проблемах культуры и влияния природного, географического компонента на историю страны. Как они считали, значительно повлияла на формирование русского характера и на судьбу России весомость в ее климате степной полосы, обилие лесов. Причиной формирования Евразии стало, по мнению автора «Истории Евразии» Г.В.Вернадского, отсутствие водных границ между Европой и Азией. Отличает же от азиатских стран Россию прежде всего христианство. Православие евразийцы считали высшей ценностью, называли его «церковью-культурой». Им была близка религиозно-культурная идея Москвы как наследницы Византийского царства и потому средоточия христианского мира, как оплота в борьбе с язычеством и «западной еретической культурой».

Евразийцы много писали о противоречиях европеизации, двойственно, а часто и негативно, воспринимали деятельность Петра I. С реформами Петра, как они считали, идея Москвы как наследницы христианских традиций утратила свое значение, на ее место выдвинулась европейская, чисто материалистическая идея империи и империализма, а вместе с ней пришло и ощущение утраты границ с Западом. Политическим идеалом евразийцев являлось «государство правды», «идеократическое государство». Один из примеров реализации этого строя они находили в эпохе правления Ярослава Мудрого. Основным компонентом в устройстве такого государства должен был стать компонент религиозный. Такой тип государственного устройства — «идеократия», религиозное государство, как считали евразийцы, пришел к нам с Востока.

Границы существования течения — 1921-1938 г. Годом рождения евразийской идеологии условно считают 1921 год — год выхода первого евразийского сборника (Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.) 1938 — год смерти одного из ведущих представителей этого течения — Николая Сергеевича Трубецкого. Нередко в качестве правой границы существования течения называют 1932 г. — время проведения первого съезда евразийской партии.

Евразийцы считали, что произошедшее в 1917 г. в России имеет глубокие корни, восприняли революцию не как трагедию, а как закономерное явление. Одними из первых они поняли, что события в России свидетельствуют о глубинных переменах, смене эпох. Евразийцы называли время после октябрьского переворота «Великой смутой». Как и скифы, евразийцы утверждали, что «первая мировая война, февральская и октябрьская революции открывали новую историческую эпоху. Она характеризуется не только гибелью прежней России со всеми ее атрибутами, но и всеохватывающим кризисом Европы». Они приняли революцию, но не приняли деятельности советского правительства, и во второй половине двадцатых годов пытались активно влиять на положение дел в России. Отчасти именно из-за этого движение имело трагическую судьбу.

Влияние концепции евразийства испытали многие русские писатели и поэты. В их числе можно назвать А.Блока, М.Волошина, С.Есенина, Б.Пастернака и др. В «Верстах», литературном

альманахе евразийцев, практически регулярно печатались работы не только названных авторов, но и А.Белого, И.Сельвинского, А.Ремизова, И.Бабея, А.Веселого, Ю.Тынянова, М.Цветаевой.

Выделяются три периода существования идеологии:

1. 1921-1924 гг. Формирование культурной и научной концепции евразийцев.
2. 1925-1928 гг. Политическая деятельность, расширение организации, установление контакта с Россией.
3. 1929-1938 гг. Раскол и фактический распад евразийства.

Первый период. 1921 — 1924 гг. Возникновение идеологии и разработка основных положений. В этот период евразийство становится одним из наиболее популярных течений в среде эмигрантской молодежи. В эти годы евразийцы занимаются прежде всего литературной и научной деятельностью.

Именно в этот период начинается и достигает широкого размаха книгоиздательская деятельность евразийцев. 6 июня 1923 года подписывается договор П.Н.Савицкого, Н.С.Трубецкого, П.П.Сувчинского, Г.В.Флоровского, П.С.Арапова, А.В.Меллер-Закомельского об организации Евразийского книгоиздательства. Выходит второй сборник статей, посвященный вопросам евразийства («На путях. Утверждение евразийцев. Книга 2. М.; Берлин: Геликон, 1922.), начинает выпускаться «Евразийский временник», затем «Евразийские хроники». В евразийских изданиях печатались труды виднейших русских ученых и философов (в их числе - Н.Федоров, Н.Бердяев, В.Розанов, Л.Шестов, С.Франк, Н.Трубецкой и др.)

К концу периода усиливается организационная деятельность. С 1923 года проходят так называемые «встречи трех»: Петра Сувчинского, Петра Савицкого, Петра Арапова. В конце 1924 года возникает «совет пяти». В том же 1924 году выходит первая общая евразийская декларация, называемая в шифровках «ковенский документ». К 1925 году философская, историческая, культурная и политическая концепция евразийцев полностью сложилась.

Второй период. 1925-1928 гг. Развивается сеть евразийских организаций, появляются филиалы в Белграде, Париже, Берлине, Праге. Издаются многочисленные сборники, книги, газеты, литературный альманах «Версты». Появляется литература о евразийстве, авторы статей с симпатией относятся к взглядам представителей течения.

Однако именно с этим периодом связаны самые трагические события в истории евразийства. Его представители не долго ограничивались только научной и литературной деятельностью. Вначале они занимались проблемами культуры, затем, во многом под впечатлением произвола большевиков, появилась идея влиять на политическую жизнь в России. Пытаясь осуществить это влияние, сделать известными свои идеи, евразийцы вступили в контакт с организацией «Трест», которая обещала помочь распространению идей евразийства. В эмиграции не было известно, что на самом деле «Трест» сформирован ВЧК ОГПУ.

Во Франции (Кламар) начинает выходить еженедельная газета «Евразия», ориентирующаяся на наибольший контакт с «Трестом» и большевиками, возникает так называемый «кламарский уклон», раскол. Как раз в это время и выясняется правда о «Тресте». Когда «Трест» был разоблачен, евразийцев обвинили в сотрудничестве с коммунистами. В редакцию газеты «Евразия» входили и с большевистским режимом сотрудничали С.Эфрон, А.Лурье и др. Популярность евразийства, запятнавшего себя в глазах эмигрантов связью с ОГПУ, сразу же падает.

«Здоровое крыло» евразийцев еще долго пробовало отвести от себя упреки в сотрудничестве с большевиками, но никакой пользы движению эти попытки не принесли.

Третий период. 1929 — 1938 гг. стали годами раскола и фактического распада евразийства. Евразийцы занимались в это время почти исключительно политикой. Те люди, благодаря которым это течение пользовалось популярностью, — ученые, философы, религиозные деятели — постепенно отходят от евразийства. Прекращается выпуск сборников. Зато вместо них появляются листовки политического содержания для распространения в СССР. Евразийство все более превращается в политическую организацию. Возникает идея Обще-Евразийского союза. Формируется Распорядительный комитет во главе с П.Н.Савицким, затем преобразованный в ЦК евразийской организации. Структура организации все более приближается к структуре политической партии.

Так случилось, что едва успев провести свой первый съезд и опубликовав его материалы, движение стало затухать и окончательно сошло на нет. Партия евразийцев так и не была образована. Вместо нее возникает множество политических организаций разных оттенков, базирующихся на идеологии евразийства, но не особенно популярных. Еще некоторое время переиздаются работы лидеров евразийцев. После 1938 года течение прекращает свое существование.

Однако заведомо обреченные на неуспех поэтические идеи попытавшейся дать новый путь большевистской родине российских эмигрантов, возникшие как реакция на большевизм и прозападную идеологию, обрели «посмертную» судьбу. В России конца XX века идеи евразийского синтеза были возрождены, оказались в центре складывающихся государственных идеологий и ныне существуют в нескольких «изводах». Наиболее развитая ветвь представлена широко цитируемыми работами Л.Н. Гумилева, его теорией этногенеза. Постсоветская антиамериканская ветвь связана с идеями А.Г. Дугина («Основы Евразийства», «Проект «Евразия»», «Евразийский Путь как национальная идея»). В начале XXI века выделилась как политическая сила исламская ветвь евразийства.

При всех различиях два описанных исторических явления в «поэтической» идеологии, сформировавшихся в дореволюционной России и в русской эмиграции из идей восточничества, — скифство и евразийство — имеют много общего.

Оба течения открывают собой новую эпоху русской историософской мысли. И в скифстве, и в евразийстве происходит поворот к Востоку, к Азии. И скифство, и евразийство, принимая за основу все те же идеи народности, служили альтернативой большевизму. И скифство, и евразийство ставили в центр проблемы самобытности русской культуры, но не доходили при ее обосновании до национализма.

Оба течения поднимали проблемы, связанные с культурной жизнью и политикой. Оба имели и духовные, и прагматические цели.

Главное, что объединяет две этих идеологии: стремление к синтезу. Эта же черта является причиной различий: скифство — дисгармонично, это идеология, возникшая перед величайшими потрясениями, и она отразила в себе кризис той эпохи; евразийство — гармонично, это целостная концепция, несколько утопичная, но не менее от этого значительная.

Идеи скифства родились на основе политических идей, евразийцы от общекультурных идей пришли к политике. Идеологом скифства стал один человек. Идеологами евразийства можно считать не менее десятка известнейших русских философов и ученых. Различия проявляются и в том, что идеи скифства развивались, в первую очередь, в литературных кругах. Носителями идей евразийства являлись в 20 – 30 гг. XX века крупнейшие ученые и философы.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Козлов П.К.* В азиатских просторах. Книга о жизни и путешествиях Николая Михайловича Пржевальского, первого исследователя природы Центральной Азии. — М.: Молодая гвардия, 1947.

[2] *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и Мертвый город Хара-Хото. — М.: ОГИЗ, 1948; *его же.* Путешествие в Монголию: 1923-1926 : Дневники. — М.: Гос. изд-во географич. литературы, 1949.

[3] *Козлов П.К.* Монголия и Кам: Труды экспедиции императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899 – 1901 гг. под руководством П.К.Козлова. — М.: ОГИЗ, 1947.

[4] *Кузина Н.В.* Между Западом и Востоком: Судьба России и мировой цивилизации в русской литературе первой половины XX века: Из учебных материалов к спецкурсу. Ч. 1. — Смоленск: СГПУ, 2000.

Кузина Наталья Владимировна,

кандидат филологических наук,

Российский научно-исследовательский институт культурного

и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва),

e-mail: nvkuzina@mail.ru

Kuzina N.

**Between East and West: the fate of Russia - from the ideas of Orientalism
to the 'Scythians' and Eurasians**

Abstract. One of the central issues in the Russian philosophy, political thought and literature abroad XIX - XX centuries is the fate of Russia, the choice of its historical path, its affiliation to the Western or Eastern civilization and culture. In the proposed text, which is a summary of the preamble of a special course, characterization of state ideology of the end of the XIX – first half of the XX centuries has been examined, views and the history of «Scythians» and Eurasians, whose ideas have influenced the Russian social thought of the XX century, have been described.

Key words: Orientalism, «Scythianism», Eurasianism, Nikolay Przhevalsky Peter Kozlov, Vladimir Solovyov, Razumnik V. Ivanov-Razumnik, Nikolai Trubetzkoy, George Vernadsky, Pyotr Savitsky.

Kuzina Natalia Vladimirovna,

PhD in Philology,

Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage

named after D.Likhachev (Moscow),

e-mail: nvkuzina@mail.ru